

Екатерина Мордвинцева

**ВЕЧНОСТЬ
НАЧАЛАСЬ С ТЕБЯ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

М79 **Мордвинцева Е.**
Вечность началась с тебя / Екатерина Мордвинцева – М.: Литнет,
2026. – 230 с.

ISBN 978-5-524-00372-0

Что чувствует человек, которого превратили в монстра без спроса? Вероника знает ответ: ярость, отчаяние, ненависть. Её тюремщик — Герман, вампир с полуторавековым опытом одиночества. Он не искал любви, не ждал прощения, но теперь его жизнь зависит от той, кто проклинает его каждую ночь. Им предстоит пройти путь от вражды до близости, от ненависти до страсти, от одиночества до вечности вдвоём. Но успеют ли они, когда древний Совет уже объявил на них охоту?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00372-0

© Литнет, 2026
© Е. Мордвинцева, 2026

Глава 1

Сознание возвращается всегда одинаково – не рывком, а медленным заполнением пустоты.

Сначала слух. За стеной мерно гудит лифт, этажом выше кто-то включил воду, и я слышу, как она бежит по трубам. Где-то далеко, на Кутузовском, сигналист такси. Звуки мира вползают в комнату, обволакивают, и я понимаю: солнце село. Можно открывать глаза.

Потолок в моей спальне высокий, лепной, дореволюционный. Дом на Кутузовском – довоенная сталинка, пережившая и бомбежки, и реконструкции. Я купил эту квартиру двадцать лет назад, когда район еще считался престижным, но не безумно дорогим. Сейчас здесь пахнет деньгами и пылью чужих амбиций. Мне все равно. Мне нравится высота потолков и толщина стен – ни один звук не проникает извне, только те, что я сам хочу слышать.

Я сажусь на кровати. Тело слушается идеально – за сто сорок семь лет я научился управлять им лучше любого пианиста. Никакой скованности после «сна», никакой ломоты в суставах. Мышцы упруги, кожа прохладна. Я подхожу к зеркалу и, как всегда, не вижу ничего. Пустая рама, за которой виднеется край шкафа. Привык за столетие, но каждый раз это легкое недоумение: по привычке ждешь увидеть отражение, а его нет. Иногда мне кажется, что я сам себе призрак.

Квартира встречает меня запахами. Кожа старого дивана, полированное дерево книжных шкафов, легкая затхлость закрытого помещения – и поверх всего этого чистый, стерильный запах холодильника.

Я иду на кухню. Здесь все продумано для функциональности: минимум мебели, гранитные столешницы, никаких лишних вещей. Только кофемашинка (я не пью кофе, но мне нравится процесс варки, нравится запах) и большой промышленный холодильник, каких не ставят в обычных квартирах.

Открываю дверцу.

Внутри – ряды. Аккуратные пластиковые пакеты с этикетками: «0(I) Rh+»,

«A(II) Rh-», плазма, эритроцитарная масса. Всё как в аптеке. Внизу, в специальных контейнерах – стеклянные банды с более редкими образцами. Четвертая отрицательная, третья положительная. Я работаю в НИИ Гематологии старшим научным сотрудником. Формально занимаюсь вопросами консервации крови и ее долгосрочного хранения. Реально – имею круглосуточный доступ к лучшим запасам города.

Доноры сдают кровь, она проходит проверку, часть списывается по срокам, часть уходит в исследовательские цели. Я просто беру свое. Никто не замечает, никто не считает. Идеальная система.

Беру пакет с первой положительной – универсальная, пресноватая на вкус, но утоляет голод лучше редких групп. Наливаю в высокий стеклянный бокал, который лет сто назад использовался для бордо. Кровь холодная, густая, пахнет железом и жизнью.

Пью медленно, давая себе время ощутить, как тепло разливается по пищеводу, как тело отзывается на питание. Это не похоже на еду людей. Скорее, как укол бодрости, как поток чистого кислорода после долгого пребывания в духоте. Через минуту голод отступает, мысли становятся четче, мир обретает резкость.

Я смотрю в окно. Москва горит огнями. Кутузовский проспект – гигантская артерия, по которой текут автомобили. Красные стоп-сигналы, белые фары, неон вывесок. Красиво. Наверное, люди считают это красивым.

А я чувствую пустоту.

Она приходит всегда после еды. Пока голоден – есть цель, есть примитивный инстинкт. Как только организм насыщен, наступают время мыслей. И пустоты.

Сто сорок семь лет, Герман. Сто сорок семь лет ты пьешь чужую кровь, смотришь на чужие огни и считаешь себя живым.

Я отставляю бокал, иду в гардеробную. Здесь все разложено

по сезонам и цветам, хотя мне все равно, что носить. Выбираю темно-синее пальто, шерстяной шарф. На улице ноябрь, сыро, ветрено. Люди кутаются, зябнут. Мне холод не страшен, но пальто помогает сливаться с толпой. Не выделяться.

Выхожу из квартиры. Лифт пахнет чужими духами и собачьей шерстью. Двор – образцово-показательный: детская площадка с резиновым покрытием, припаркованные «Майбахи» и «Лексусы», консьержка в будке. Она кивает мне, я киваю в ответ. Ночной жилец, любитель погулять перед сном. Никто не знает, что мой сон – это день, а прогулка – вся моя жизнь.

Выхожу на набережную.

Москва-река черная, тяжелая, в ней отражаются огни «Москвы – Сити». Башни-близнецы, стекло и сталь, символ новой эпохи. Я помню, как на этом месте были заводы и пустыри. Помню, как пахло углем и мазутом. Теперь пахнет дорогим парфюмом и выхлопными газами.

Иду в сторону центра. Ноги сами несут по привычному маршруту: мимо гостиницы, через Бородинский мост, к Новодевичьему.

Новодевичье кладбище закрыто на ночь, но мне не нужно заходить внутрь. Я останавливаюсь у стены, смотрю на высокие тополя, черные на фоне темно-синего неба.

Здесь похоронены многие, кого я знал. Не лично, но... в какой-то момент начинаешь собирать кладбища как коллекцию. Чехов, Булгаков, Шалапин – их могилы я навещал, когда они еще были свежими. Теперь это туристические тропы.

Я закрываю глаза и позволяю памяти накрыть себя.

1908 год. Москва купеческая, лабазная, с золотыми куполами и грязными окраинами. Я тогда еще был человеком, верил в Бога и в прогресс. Работал в лаборатории при университете, изучал свойства крови. Мечтал сделать открытие, которое спасет тысячи жизней. Глупый, наивный мальчик в пенсне и с непокорным вихром.

А потом пришла чахотка. Тогда её называли «белой чумой». Она

забрала мою невесту за три месяца. Анна. Светлые волосы, серые глаза, родинка над губой. Я помню её лицо так, словно видел вчера. Помню, как она кашляла в платок, и на белом кружеве расцветали алые цветы. Кровь.

Тогда я впервые понял, что кровь – это не просто жидкость. Это жизнь. И её так легко потерять.

После похорон я места себе не находил. Рванул за границу, в Европу, искать лекарство, панацею, все что угодно. В Париже вышел на одного доктора, который обещал чудо. Он оказался вампиром. Он не обещал чуда – он предлагал вечность.

Я согласился. Думал, что вечность – это возможность всё исправить, все узнать, все понять.

Глупец. Вечность – это просто очень много времени. И оно ничего не исправляет.

Открываю глаза. Тополя стоят на месте, река течет, город шумит. Москва изменилась до неузнаваемости, но Новодевичий монастырь все так же красив. Белые стены, темные купола. Красота, которая переживет и меня, если я не буду осторожен.

Иду дальше. Плющусь в толпу на Остоженке. Здесь кипит ночная жизнь: рестораны, бары, дорогие машины у обочин, смеющиеся девушки в коротких пальто, мужчины в костюмах без галстуков. Люди пьют, едят, флиртуют, живут.

Я прохожу сквозь них, как тень. Никто не обращает на меня внимания – высокий мужчина в темном пальто, с бледным лицом и слишком прямым носом. Мало ли таких в Москве?

В витрине одного из баров я замечаю отражение прохожего и снова ловлю себя на том, что ищу там себя. Пустота. Зеркало показывает только витрину с бутылками и кусок противоположного тротуара.

1914 год. Война. Я тогда уже не был человеком лет пять, но еще не научился быть равнодушным. Поехал на фронт санитаром. Думал, что моя скорость и сила пригодятся, чтобы вытаски-

вать раненых. Я вытаскивал. А по ночам пил кровь умирающих. Не мог отказаться. Они все равно не жильцы, успокаивал я себя. Но это была ложь. Я просто был голоден. И слаб.

До сих пор помню вкус страха в крови. Он делает её терпкой, почти пряной. Но пить кровь испуганного человека – все равно что есть мясо животного, которое знало, что его убьют. Это неправильно.

Я сворачиваю в переулок. Здесь тише, фонари горят тускло, под ногами мокрая брусчатка. Москва стареет в таких переулках, показывает свое настоящее лицо – не гламурное, не пафосное, а усталое, немного печальное.

Воспоминания продолжают течь, как вода сквозь пальцы.

1930-е. Я уже отлично научился выживать. Устроился в институт переливания крови, благо знаний хватало. Тогда как раз начинались эксперименты с трупной кровью, с консервацией. Я был на передовой науки. И никто не знал, что по ночам я исследую кровь не только в пробирках.

Война 41-го. Я остался в Москве. Не из патриотизма, просто бежать было некуда и незачем. Немцы подходили к городу, я сидел в подвале института и пил донорскую кровь, запасенную для раненых. Стыдно? Стыдно. Но голод сильнее стыда. Вампир, который не хочет убивать, все равно будет убивать, если ему не оставить выбора. Поэтому я создал себе выбор – доступ к донорской крови. Мой личный Нюрнбергский кодекс.

Выхожу к храму Христа Спасителя. Огромный, золотоглавый, подсвеченный прожекторами. Его взорвали при Сталине, я помню тот взрыв. Помню, как на месте храма хотели строить Дворец Советов с гигантским Лениным, а потом сделали бассейн «Москва». Я плавал в этом бассейне зимой, под открытым небом. Вода была теплая, пар поднимался над поверхностью, и Москва казалась призраком.

Теперь храм стоит заново. Все повторяется.

Я сажусь на скамейку на Патриаршем мосту. Смотрю на воду,

на огни, на редких прохожих. Влюбленные пары, подвыпившие компании, одинокий мужчина с собакой. Все куда-то идут, чем-то заняты.

А я просто сижу. И чувствую пустоту.

Сто сорок семь лет. Я видел, как умирали империи и рождались новые. Как менялась мода, музыка, этикет. Я пережил всех, кого знал, и всех, кого мог бы полюбить. Научился не привязываться, потому что привязанность к смертному – это гарантированная боль.

Но иногда, как сегодня, пустота становится особенно острой. Особенно громкой.

Я смотрю на молодую пару, которая целуется у перил. Девушка смеется, парень что-то шепчет ей на ухо. Они счастливы, они живы, и у них впереди, возможно, лет пятьдесят. Им кажется, что это целая вечность.

Я знаю, что такое вечность на самом деле. Это когда ты сидишь на мосту один, и у тебя нет никого, кто ждал бы тебя дома. Есть только холодильник с пакетами крови и воспоминания, которые с каждым годом становятся все более чужими. Словно это было не с тобой, а с кем-то другим, чью жизнь ты когда-то подсмотрел.

Поднимаюсь. Пора возвращаться. Ночь длинная, но бесконечной ее не сделаешь. Даже для вампира.

Иду обратно по набережной. Ветер с реки сырой, пронизывающий. Я поднимаю воротник пальто. Прохожу мимо арки, ведущей во дворы. Оттуда пахнет мочой, сыростью и... чем-то еще.

Я останавливаюсь.

Запах. Свежий, терпкий, животный. Металлический привкус железа и что-то сладковатое, тревожное.

Кровь.

Не донорская, не мертвая. Живая, паническая, льющаяся прямо сейчас.

Я замираю на мгновение. Мое дело – не вмешиваться. Я научился проходить мимо за сто лет. Смерть человека – это трагедия

для человека, но для меня это часть пейзажа. Я не спасаю. Я не убиваю. Я просто существую параллельно.

Но ноги уже сворачивают в арку. Тело реагирует быстрее разума. Запах становится сильнее. И звук – хриплое, булькающее дыхание.

В глубине подворотни, под тусклым фонарем, на мокром асфальте лежит девушка.

Глава 2

Ненавижу ноябрь.

Ненавижу эту липкую серость за окном, эти вечные сумерки, которые включают ровно в четыре часа дня, и этот моросящий дождь, который не поймешь – то ли идет, то ли просто висит в воздухе сырой взвесью.

Я стою у окна в переговорной на двенадцатом этаже и смотрю, как Москва медленно тонет в вечерней мгле. Огни зажигаются неохотно, будто через силу. Где-то там, за рекой, наш объект – жилой комплекс «Резиденция на Набережной», который мы уже полгода не можем сдать из-за идиотских претензий заказчика.

– Вероника Андреевна, вы меня слышите?

Голос начальника действует на меня как зубная боль – ноющая, тупая, неизбежная.

Поворачиваюсь. Сергей Борисович сидит во главе стола, сложив пухлые ручки на животе. Лицо у него цветом напоминает тесто для оладий, которое уже начало подходить, но еще не готово. Глазки маленькие, маслянистые, бегают по моей груди быстрее, чем по чертежам.

– Слышу, – отвечаю ровно. – Вы сказали, что заказчику не нравится остекление. В двенадцатый раз.

– Не нравится, Вероника. Не нравится! – он разводит руками, будто пытается обнять весь мир и заодно мою профессиональную гордость. – Говорят, слишком много стекла. Холодно, не по-московски. Хотят больше камня.

– Это набережная, – напоминаю я, стараясь, чтобы голос не дрожал от бешенства. – Люди покупают квартиры с видом на воду. Чтобы видеть воду. Для этого нужно стекло. Много стекла. Если мы заложим проемы камнем, они будут смотреть на реку сквозь бойницу. Как в дзоте.